

Д. А. ТАЛИС

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ТАВРИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ**

Изучение истории средневековой Таврики имеет значение, выходящее далеко за пределы узколокальной крымской темы. Это объясняется тем, что на территории Таврики в эпоху средневековья сталкивались экономические, политические и военно-стратегические интересы крупнейших государств того времени — Византии, Киевской Руси, Хазарского каганата. Но и помимо этого, изучение чисто внутренних вопросов социально-экономического развития и этнической истории средневековой Таврики помогает во многом уяснить процессы, протекавшие на юге европейской части нашей страны. Поэтому вполне закономерен все более возрастающий интерес к изучению истории средневекового Крыма, который наблюдается в литературе последних лет.

В настоящем обзоре мы рассмотрим работы, выпшедшие главным образом в 1958 г. и посвященные социально-экономической и политической истории раннесредневековой Таврики.

Значительные трудности, возникающие при исследовании проблем социально-экономической истории, обусловлены в первую очередь крайней скудостью источников — как письменных, так и археологических. Имеющиеся письменные источники по истории средневековой Таврики освещают по преимуществу, да и то весьма отрывочно, события политической и церковной истории и лишь очень глухо говорят о некоторых фактах социального и экономического развития. Отсутствием должного интереса к решению этих вопросов на протяжении длительного времени объясняется и недостаток археологических данных, так как археологическое изучение средневекового Крыма было в значительной мере односторонним. За исключением Херсонеса, ни один из средневековых памятников Крыма не подвергался систематическому и планомерному исследованию. Относительно большее внимание уделялось изучению могильников, в какой-то мере проводились работы на городищах и почти совершенно не были затронуты раскопками сельские поселения и одиночные укрепления. Лишь сравнительно недавно в результате новых археологических раскопок и разведок¹ намечился определенный сдвиг в изучении сельских поселений средневековой Таврики.

К сожалению, даже тот археологический материал, который был накоплен в течение ряда лет, не привлекался до последнего времени к раз-

¹ См. отчеты о раскопках средневековых поселений, находившихся на месте античных городов Тиритак и Мирмекия (В. Ф. Г а й д у к е в и ч. — МИА, 25, 1952, стр. 49—52, 67—72, 100—105, 126—131; Д. Б. Ш е л о в. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, 68, 1957, стр. 98—103; А. Л. Я к о б с о н. Разведочные раскопки средневекового поселения Горавуиты. КСИИМК, 53, 1954,

работке вопросов социально-экономической истории, как не использовались в полной мере и письменные свидетельства, проливающие некоторый свет на решение этой проблемы.

Только в 1954 г. впервые в советской историографии² А. Л. Якобсоном была предложена концепция развития Таврики в эпоху раннего средневековья, учитывающая все известные факты экономической и социальной истории Крыма этого времени³.

Автор поставил (а отчасти и решил) ряд важных вопросов, выпадавших из поля зрения прежних исследователей. Большое значение этой работы заключается также в том, что А. Л. Якобсон заострил внимание именно на проблемах социально-экономической истории в противоположность чрезмерному увлечению этнической историей, господствовавшему в послевоенной литературе о Крыме.

Прежде чем рассматривать существующие представления о социально-экономической истории Крыма эпохи средневековья в целом, обратимся к работам, в которых исследуется развитие отдельных районов Таврики того времени.

Интересная и смелая попытка реконструкции хода исторического процесса в Юго-Западной Таврике дана в последних статьях Е. В. Веймарна⁴. Сущность его концепции сводится к следующему. Вплоть до III—IV вв. н. э. в предгорьях Крыма, входивших в состав Скифского государства рабовладельческого типа, обитало оседлое скифское и отчасти сарматское население, занимавшееся в основном сельским хозяйством. В IV в. в результате гуннского нашествия поселения были уничтожены, а оставшееся население предгорных и частично степных районов передвинулось в горные долины. Новые географические и экономические условия, все более развивающееся имущественное неравенство, выделение ремесла и распад рабовладельческой системы в Северном Причерноморье ускорили процесс зарождения новых, феодальных отношений. Одним из следствий новой экономической и политической обстановки, сложившейся в Юго-Западной Таврике в V в., явилось строительство здесь крепостей, получивших в историографии название «пещерных городов». Эти города были созданы по преимуществу местными обитателями крымских нагорий — потомками тавров и скифов — и сармато-аланами. Вполне вероятно, однако, что строительство раннесредневековых крепостей производилось под наблюдением или при участии херсонских строителей. Это объясняется тем, что и Херсон (а вместе с ним и Византия) и местное население этой части полуострова были заинтересованы в защите от кочевников, наводнивших в конце IV в. крымские степи. Но все эти крепости жили самостоятельной жизнью и зависели от империи лишь постольку, поскольку совпадали их политические и экономические интересы. Возникшие в V—VII вв. в Юго-Западном Крыму «пещерные

стр. 109—120). В Юго-Западном Крыму (в Байдарской долине) производил раскопки сельских поселений А. Л. Якобсон; разведки так называемых «пещерных городов» и раскопки городища Чуфут-Кале осуществлял Е. В. Веймарн.

² Не считая работы В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья» (ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, стр. 5—98), в которой известные автору факты были уложены в прокрустово ложе предвзятой схемы, основанной на марровской теории стадийного развития. К тому же автор привлекал не всегда доброкачественные и надежные факты.

³ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики, СА, XXI, 1954, стр. 148—163.

⁴ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена. В кн.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 7—54; е г о ж е. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. СА, 1958, № 1, стр. 71—79.

города» превратились к IX в. в феодальные города и замки. В дальнейшем, в IX—XIII вв., имел место количественный рост феодальных ячеек — мелких феодальных замков и «пещерных монастырей», — который отражал углубление процесса феодализации. Если в течение V—VII вв. в каждой большой долине горного Юго-Западного Крыма существовала лишь одна небольшая крепость, то в более позднее время (IX—XIII вв.), кроме них, возникает еще несколько новых небольших крепостей-замков. Господство над большой долиной как бы расчленяется, что выявляет, по мнению Е. В. Веймарна, характерную для феодализма раздробленность землевладения.

Изложенная точка зрения во многих отношениях плодотворна и обещает дать при дальнейшей разработке ценные результаты. Весьма важен для изучения позднеантичной истории Таврики установленный автором факт массового перемещения населения предгорных и степных районов Крыма в результате гуннского нашествия в горные долины. Значительное увеличение плотности населения, несомненно, интенсифицировало экономическое развитие этой ранее редко населенной области. Не менее важно для выяснения экономических связей и роли торговли и то, что Е. В. Веймарну удалось наметить основные торговые пути, связывавшие поселения друг с другом, или шедшие по направлению к степям Северного Причерноморья за пределы Перекопского перешейка.

Вместе с тем концепция Е. В. Веймарна страдает и некоторыми недостатками. По утверждению Е. В. Веймарна, одним из признаков зарождения феодальных отношений в Юго-Западном Крыму, начиная с V в., явилось строительство небольших крепостей, которые, как он полагает, превратились к IX в. в феодальные города и замки⁵. Однако он не приводит доказательств того, что «пещерные города» были именно феодальными образованиями, а это необходимо было сделать, поскольку само по себе строительство крепостей в равной мере характерно и для рабовладельческого, и, конечно, для феодального строя. Более того, если говорить о феодальном строе, то наличие феодальных крепостей свидетельствует, скорее, о его сравнительно развитой ступени, нежели о начальной стадии формирования. Быть может, в Крыму развитие феодальных отношений отличалось определенной спецификой, но тогда это нужно обосновать, чего автор, однако, не делает.

Уже самое время зарождения в Юго-Западном Крыму феодальных отношений V—VI вв. определяется Е. В. Веймарном без достаточных оснований. Доводы, которыми он при этом оперирует: новые экономические условия, все более развивающееся имущественное неравенство, выделение ремесла и распад рабовладельческой системы в Северном Причерноморье⁶, — не будучи аргументированы, носят характер самых общих социологических соображений, т. е. доказательствами служить не могут. Поэтому автору следовало в этом случае резче подчеркнуть гипотетичность своих построений.

Следующим звеном концепции Е. В. Веймарна является положение о возрастающей с течением времени раздробленности землевладения, которую он усматривает в увеличении в каждой более или менее значительной горной долине числа крепостей, от одной (в V—VII вв.) до трех-четырех (в IX—XIII вв.). Однако это утверждение автора в рассматриваемых статьях никак не обосновывается. А между тем подобного рода утверждение, на основании которого делаются весьма ответственные вы-

⁵ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 78.

⁶ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 52—53.

воды о характере эволюции форм землевладения, нуждается в самой серьезной аргументации. Письменные источники, как известно, не сообщают дат возникновения так называемых «пещерных городов». Поэтому время возникновения укрепленных поселений Юго-Западной Таврики можно определить лишь при помощи археологического материала. Иными словами, для выяснения хронологии памятников нужны раскопки, пусть на первых порах разведочного характера, в результате которых можно было бы установить, хотя бы в самых общих чертах, время возникновения и гибели памятника. Но сложность заключается как раз в том, что подавляющее большинство средневековых городов и поселений не подверглось археологическому изучению, а потому установить время их возникновения, хотя бы с точностью до одного-двух столетий, пока не представляется возможным. Если же Е. В. Веймарн располагает данными о хронологии памятников, занимающей важное место в его концепции, то их следовало бы привести, иначе читатель вынужден принимать датировки автора на веру. Сделать это, однако, тем труднее, что исследованиями последних лет, в особенности А. Л. Якобсона и самого Е. В. Веймарна, выявлено, что сооружение таких комплексов, как Мангуп и Каламита, которое раньше относили ко времени не ранее X в., в действительности произошло в VI в.⁷ Поэтому весьма вероятно, что возникновение ряда памятников, которые Е. В. Веймарн относит, не располагая надежными данными, к IX—XIII вв., нужно будет датировать более ранним временем. Короче говоря, хронология автора, а вместе с тем его представление об эволюции форм землевладения в средневековой Таврике не имеют под собой твердой почвы.

Это станет особенно ясным, если мы обратимся к предложенной Е. В. Веймарном хронологии крепостных сооружений Эски-Кермена. Эски-Керменское городище — одно из крупнейших в Юго-Западном Крыму к тому же оно частично раскапывалось. Не удивительно, что анализ материалов раскопок и обследований этого городища занимает важное место в рассматриваемых работах. Анализ фортификационных сооружений, тщательно и всесторонне проделанный автором, возражений не вызывает, но в отношении датировки дело обстоит иначе. Прежде всего неясно, почему Е. В. Веймарн относит время возникновения крепости к концу V в.⁸ Материалы раскопок и обследований дают основание датировать сооружение крепости скорее VI в.⁹ Еще менее обоснована дата гибели оборонительных сооружений — конец VIII в. Время гибели оборонительной системы Эски-Кермена Е. В. Веймарн определяет, исходя из данных, полученных при раскопках и обследованиях южного участка, являвшегося основным во всем кольце обороны. Такой метод датировки сам по себе

⁷ А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. КСИМК 29., 1949, стр. 55—63; Е. В. Веймарн. О времени возникновения средневековой крепости Каламита. В кн.: «История и археология средневекового Крыма», стр. 55—62.

⁸ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 77. В другой статье («Оборонительные сооружения Эски-Кермена», стр. 7) он датирует время возникновения крепости концом V—началом VI в.

⁹ Е. В. Веймарн опирается в своей датировке на заключение Н. И. Репникова («Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.» ИГАИМК, XII, вып. I—8, 1932, стр. 137), который относил сооружение крепостных стен Эски-Кермена к концу V в. (ко времени Зинова) по аналогии с третьим кольцом так называемой «Башни Зинова» в Херсонесе. Однако, как показал А. Л. Якобсон («О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа», стр. 59), сооружение третьего кольца башни Зинова датируется VI в. С другой стороны, основная часть погребений Эски-Керменского некрополя относится к VI в. (Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 150).

вполне правомерен, но дело в том, что время разрушения южного участка обороны не может быть установлено с достаточной точностью. Прекращение функционирования этого участка обороны определяется, исходя из принципа абсолютной несовместимости одновременного существования оборонительных сооружений и находящихся на этом же участке, впереди крепостных стен, пещерных комплексов, церквей, часовен и усыпальниц. Все эти наземные и подземные сооружения возникли после гибели крепости, а следовательно, время возникновения всех этих сооружений дает *terminus ante quem* разрушения обороны. Однако находки, позволяющие датировать названные памятники, крайне немногочисленны. В основном это вещи из усыпальниц и могил. Хуже всего, что дата самих этих вещей достаточно неопределенна, в лучшем случае, время их бытования определяется VIII—X вв., т. е. тремя столетиями¹⁰. Датировка стеклянных браслетов, которым Е. В. Веймарн придает особое значение, также достаточно широка: не ранее конца IX в. и вплоть до позднего средневековья. Следовательно, имеющийся в настоящее время в распоряжении археологов материал определяет время разрушения Эски-Керменской крепости в весьма широких пределах: оно имело место, очевидно, не позднее X в.; дата, принятая Е. В. Веймарном (конец VIII в.), не может быть достаточно строго обоснована.

Таким образом, данные, которыми располагают сейчас исследователи, в том числе и материал из Эски-Кермена, подвергавшегося, в отличие от большинства других городищ и поселений Юго-Западной Таврики, раскопкам, не дают пока возможности выявить ни хронологические вехи, ни существенные этапы развития феодальных отношений в этом районе Крыма.

Мы остановились более или менее подробно на концепции Е. В. Веймарна потому, что при рассмотрении его взглядов выявляются вместе с тем и те недостатки, которые в той или иной степени свойственны и некоторым другим работам, затрагивающим вопросы социально-экономической истории Таврики.

Опубликованные в последнее время исследования А. Л. Якобсона внесли весьма ценный вклад в разработку коренных проблем истории средневековой Таврики¹¹. В его работах рассматриваются важнейшие стороны социально-экономической, политической и этнической истории Таврики и предлагаются решения многих существенных вопросов, насколько они вообще могут быть решены при современном уровне наших знаний и количестве накопленного материала. Взгляды автора в своей совокупности образуют последовательную концепцию развития населения Таврики в эпоху раннего средневековья.

Здесь нас, однако, интересует лишь точка зрения А. Л. Якобсона по затронутым в его работах вопросам экономического и социального строя Таврики. Автор правильно отмечает, что в начале средневековья, после падения Боспора, экономическим центром края стал Херсон. В экономике этого города важнейшее значение приобрели торговые связи с окружающим земледельческим населением и припонтийскими степняками. Очень важным является положение о тесной зависимости между экономическим состоянием Херсона и общей экономической и политической ситуацией в Таврике. Весьма плодотворной является и точка зрения А. Л. Якобсона

¹⁰ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 118.

¹¹ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв. В кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 537—551; е г о ж е. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, М.—Л., 1958, стр. 458—501.

по поводу различий в экономическом развитии Юго-Западной и Восточной Таврики.

Следует, однако, заметить, что имеющийся материал позволяет более полно, нежели это сделал автор, выявить причины, определившие существенные различия в исторических судьбах Херсона и Боспора в начальную пору средневековья. А. Л. Якобсон при объяснении причин указанных различий выдвигает два основных обстоятельства: во-первых, разгром Боспора и его сельскохозяйственной периферии гуннами¹², а во-вторых, превращение Херсона в опорный пункт Византии в Северном Причерноморье¹³.

Ни в какой мере не преуменьшая значение этих факторов, приходится все же искать и другие. Ведь еще задолго до гуннского разгрома в III—IV вв. н. э. боспорские города стали подвергаться рустификации¹⁴, в отличие от Херсона, где подобного явления не было¹⁵. С другой стороны, уже в конце V или в самом начале VI в. Боспор вновь подпадает под власть Византии¹⁶, осуществлявшей здесь довольно интенсивное военное и гражданское строительство¹⁷. Сам Боспор в это время, хотя и уступал Херсону по величине и значимости, все же представлял собой сравнительно большой пункт, в какой-то степени оправившийся от гуннского вторжения¹⁸. Но если это действительно так, то возникает вопрос, почему Боспор в конце V—начале VI в. не достиг того экономического положения, какое занимал Херсон, хотя для этого, казалось бы, имелись объективные предпосылки: экономические связи с окружающим населением¹⁹ и наличие сильной заинтересованности Византии в Боспоре²⁰.

Все это вместе взятое указывает на наличие каких-то других, помимо отмеченных А. Л. Якобсоном, существенных причин, обусловивших различия в развитии Херсона и Боспора. Причины эти, на наш взгляд, сводятся к следующему. Земледелие в Херсонесе античной эпохи не получило такого развития, как на Боспоре²¹, и, в отличие от последнего, экономика античного Херсонеса базировалась в основном на торговле и ремесле и в гораздо меньшей степени на сельском хозяйстве²². Поэтому такие события, как захват в V—VI вв. значительной части херсонской хоры (степные хлеботородные районы Западного Крыма) кочевниками

¹² А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 458—459.

¹³ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 537.

¹⁴ См. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 468 сл.; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных городах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 11.

¹⁵ См. подробнее: Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, 1961.

¹⁶ Ргосор., De bello persico, I, 12. См. также Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР, вып. VI, 1891, стр. 24—26.

¹⁷ Ргосор., De aedif., III, 7; В. В. Латышев, Сб. ГИ, стр. 107—109.

¹⁸ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 24; В. Ф. Гайдукевич. Памятники раннего средневековья в Тиритаке. СА, VI 1940, стр. 201.

¹⁹ Ю. Кулаковский. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века. ВВ, II, 1896, стр. 10, прим. 1.

²⁰ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 460.

²¹ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 19'.

²² Это не значит, конечно, что уровень ремесленного производства был на Боспоре ниже, чем в Херсонесе. Речь идет лишь о пропорционально большем значении торговли и ремесла в экономике Херсонеса, нежели Боспора. В частности, Херсонес, в отличие от Боспора, никогда не вывозил хлеба (В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 165).

и неоднократные опустошения примыкавшей к Херсону части хоры (Гераклейский полуостров)²³, не привели к катастрофическим последствиям для города.

Ведущая роль ремесла и торговли (в основном транзитной) в экономике являлась причиной того, что серьезно подорвать экономику Херсона можно было, лишь взломав оборону города и проникнув за его стены. А это было предприятием весьма тяжелым. На основании имеющихся данных можно утверждать, что с V по X в., т. е. на протяжении шестисот лет, попытки насильственного овладения Херсоном удались лишь один раз — войску Владимира²⁴. Хазары в начале VIII в. были впущены в город с согласия граждан при совершенно особых обстоятельствах²⁵. Ни гунам, ни восточным тюркам, ни позднее мадярам, печенегам и половцам взять город так и не удавалось. Печенегов и половцев Херсон видел в своих стенах только в качестве торговцев и послов²⁶.

Характеризуя торговлю Херсона, А. Л. Якобсон, на наш взгляд, несколько преувеличивает интенсивность и значимость экономических связей Херсона с Юго-Западным Крымом и недооценивает роль малоазиатских рынков. Он пишет: «В Херсон свозились продукты земледелия из плодородных долин Юго-Западного Крыма, являвшихся ближайшей сельскохозяйственной базой города»²⁷. И далее: «Завладев большей частью Крыма, хазары нарушили связи Херсона с окружающим населением, что привело к экономической изоляции города. . . Отсутствие подвоза продовольствия в Херсон из смежного земледельческого района может быть объяснено только захватом его хазарами, а может быть, и хазарским погромом»²⁸. Таким образом, создается впечатление, что Херсон настолько зависел в получении предметов продовольствия от окружающих районов Таврики, что захват их хазарами привел к экономической изоляции и упадку города. Однако факты говорят о другом.

Константин Багрянородный сообщает, что если не будут привозиться продукты из Аминса, Пафлагонии, Буккелариев и Армениака, то херсониты не смогут существовать. В числе этих предметов он называет хлеб и вино²⁹. Из писем папы Марина явствует, что хлеб и вино доставлялись из Византии³⁰. Наконец, рассказ о событиях IV в., содержащийся в том же произведении Константина Багрянородного, содержит упоминание о присылке в Херсон хлебных пайков (*ἀνώναι*) из Византии³¹. Приведенные факты не оставляют сомнений в том, что сельскохозяйственные продукты первой необходимости — хлеб и вино — Херсон получал из Малой Азии.

Таким образом, и в относительно благоприятных условиях середины IV в., и в пору несомненного упадка и захирения, как это было в VII в., и в период бурного экономического подъема X в. основным хлебным рынком

²³ Iord., *Get.*, ed. Th. Mommsen. MGH, t. V, pars I. Berolini, 1882, p. 63; Menandri Protectori fragmenta. Historici graeci minores, ed. L. Dindorf, II. Lipsiae, 1871, p. 85.

²⁴ См. подробно: А. Л. Бертъе-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС, XIV, вып. 1. СПб., 1909; Б. Д. Греков. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь. ИТОИАЭ, III, (60), 1929.

²⁵ Nicephori Breviarium, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 40—48. Theophranis Chronographia, ed. C. de Boor. v. I. Lipsiae, 1883, p. 372—381.

²⁶ Ср. С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. Памятники христианского Херсонеса, вып. III. М., 1908, стр. 57 и сл.

²⁷ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья, стр. 538.

²⁸ Там же, стр. 545.

²⁹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 53, p. 286.

³⁰ PL, t. 87, col. 201—204.

³¹ Constantine Porphyrogenitus. De adm. imp., cap. 53, p. 266.

для Херсона являлись города Южного побережья Черного моря. Ничего удивительного в этом нет. Ведь и в античное время положение с хлебом было в Херсоне достаточно напряженным. Стоит только вспомнить катогорическое запрещение «Присяги» (IOSPE I², 401) вывозить хлеб с «равнины» куда-либо кроме Херсона.

К вопросу о хазарах в Крыму нам еще придется вернуться, но уже приведенных фактов достаточно, чтобы утверждать, что их вторжение в Крым не могло явиться ни единственной, ни даже основной причиной экономической изоляции и упадка Херсона. Ведь, как уже было выяснено выше, само по себе разорение кочевниками ближайшей периферии Херсона не имело для города каких-либо катастрофических последствий, пока существовали факторы, благоприятствовавшие развитию его ремесла и главным образом транзитной, посреднической торговли, в которой были заинтересованы сами кочевники. Так, в частности, захват в V в. и, вероятно, в начале VI в. гуннами степных районов Западного Крыма, являвшихся некогда житницей античного Херсонеса, и опустошение ближайших окрестностей³² хотя и усугубили зависимость Херсона в получении предметов продовольствия от малоазийских городов, но не имели каких-либо губительных последствий для города. Этого мало. Письменные источники и археологические материалы надежно свидетельствуют о том, что V—начало VI в. были временем экономического процветания Херсона³³.

В этой связи было бы крайне важно установить, почему Херсон в эпоху раннего средневековья не мог получать хлеб и вино в более или менее значительных размерах из Юго-Западной Таврики. Ведь Прокопий утверждает, что «жители страны Дори весьма искусны в земледелии, которым они занимаются собственноручно, а земля их очень хороша и приносит самые лучшие плоды»³⁴. С другой стороны, связи Херсона с Юго-Западным Крымом прослеживаются не только по находкам изделий херсонского производства — и письменные источники засвидетельствовали наличие административных, политических и религиозных сношений.

Ответ на поставленный вопрос требовал бы достаточно полного знания экономической структуры Юго-Западной части Таврики эпохи раннего средневековья, что в свою очередь могут обеспечить лишь широко поставленные археологические исследования. Это дело будущего. Сейчас можно лишь отметить разрозненные факты. Так, зерновые ямы и давилни для выжимания виноградного сока, обнаруженные в различных районах горного Крыма, в частности Бакле, Тепе-Кермене, Инкермане, Эски-Кермене, Мангупе, свидетельствуют о выращивании злаков и возделывании винограда. Но, вероятно, хлеба и вина было мало; получали их в количествах, лишь удовлетворявших в основном собственные потребности и, возможно, поэтому эти продукты и не поступали в Херсон.

Не дает ли это право высказать предположение, что хозяйство Крыма рассматриваемого времени было глубоко натуральным, с весьма небольшим количеством товарных излишков? Впрочем, настаивать на этом предположении сейчас, конечно, нельзя, так как оно тесно связано с вопросом, совершенно нерешенным, — об уровне феодализации Юго-Западной Таврики в раннее средневековье. Однако в свете имеющихся в настоящее время весьма скудных источников выдвинутое предположение кажется не лишним основанием.

³² I o d., Get., V, 37.

³³ Д. Л. Т а л и с. Указ. соч.

³⁴ P r o c o p., De aedif., VII, 10.

В связи с высказанными соображениями необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что имеющиеся в литературе мнения по поводу становления феодальных отношений в Крыму совершенно априорны. Уже упоминалась точка зрения Е. В. Веймарна, согласно которой «пещерные города» к IX в. превратились в феодальные города и замки. В. В. Кропоткин считает, что в Таврике на смену разрушенным античным городам по мере формирования феодальных отношений в VI—VIII вв. появились феодальные города³⁵. А. Л. Якобсон указывает на вторую половину VIII—первую половину IX в. как на период становления феодализма в Крыму³⁶.

Таким образом, все названные авторы сходятся (с незначительными отклонениями) во мнении, что к IX в. в Таврике уже существовали феодальные города и интенсивно развивались феодальные отношения. Однако эти исследователи не приводят никаких аргументов в защиту своего мнения; они и не могут их привести, ибо для того, чтобы выдвигать те или иные тезисы о становлении феодальных отношений, отделении ремесла от сельского хозяйства и возникновении городов, нужно располагать данными об уровне производительных сил, о развитии форм собственности, способах землепользования, формах эксплуатации, типах сельских поселений и т. д. Поэтому в настоящее время все подобное рода обобщения об уровне социально-экономического развития раннесредневековой Таврики носят декларативный характер. Возможно, было так, как это утверждают сторонники приведенной точки зрения, но, возможно, было и иначе.

Еще в 1950 г. А. Л. Якобсон выдвинул предположение, что остатки небольших крепостей-поселений на возвышенных местах иногда малодоступные, известные в довольно большом количестве в нагорном Крыму под названием сарджиков, керменчиков, исаров, представляли собой резиденции феодалов-землевладельцев. Эту же мысль, но уже в категорической форме высказал недавно Е. В. Веймарн³⁷. Однако с такой же, если не с большей, степенью вероятности, можно высказать другое предположение. Исары были не феодальными укреплениями, а укрепленными усадьбами большесемейных домовых общин, расселение которых напоминает тип расселения, хорошо известный в ряде преимущественно горных областей Европы и Азии. Таковы среднеазиатские «кеды», башни Северного Кавказа, укрепленные поселения прикарпатских украинцев, балканских славян, арабские «бейты» и т. д.³⁸

Вполне вероятно, что замедленным социально-экономическим развитием Таврики следует объяснить тот факт, что появление здесь сложившихся феодальных образований типа Феодоро и, возможно, Кырк-Иера относится ко времени не ранее XII—XIII вв.³⁹

Говоря о развитии феодальных отношений в Крыму, ссылаются на иммиграцию иконопочитателей как на фактор, ускоривший этот процесс. Сама по себе связь иммиграции иконопочитателей с возникновением или ростом монастырей весьма вероятна⁴⁰, но мнение о роли этих монастырей

³⁵ В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 198.

³⁶ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 547.

³⁷ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 31; Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 79.

³⁸ Ср. С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 150—152.

³⁹ Ср. А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, 55, 1918, стр. 6; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 30 сл.

⁴⁰ Ср. Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды, 2-е изд. Киев, 1914, стр. 74—75.

в ускорении формирования феодальных отношений в Крыму⁴¹ нуждается в существенных оговорках и уточнениях.

Это мнение, основанное на общих соображениях, не вполне учитывает конкретную ситуацию, в которой протекала иммиграция, а самое главное, состав иммигрантов.

Исходя из произведений Феодора Студита, следует полагать, что прибывшие в Таврику в конце VIII—начала IX в. иконопочитатели своим идейным вождем считали Феодора Студита, являвшегося вообще крупнейшей фигурой реакционного монашества. Так, например, иерархи Климатов обращаются за разъяснением ряда вопросов к Феодору Студиту; последний дает наставления сугдейскому и херсонскому епископам, обращается с напутствием к отправляющимся в Крым монахам и т. д.⁴²

Монастыри, возникавшие в Крыму, основывались иконопочитателями по общежитийному уставу. Как известно, один из существенных моментов реформы, которую пытался осуществить Феодор Студит, заключался в том, чтобы перевести монахов, живших в одиночку, по отдельным кельям (так называемый идиоритм), на жизнь в монастырях, основанных на уставе киновии. В поучениях Феодора упоминаются различные ремесленники-монахи, жившие в студитских монастырях: кузнецы, гончары, медники, ювелиры, слесари, кожевники, сапожники, ткачи, портные, ножовщики, шорники, каменщики, плстники, столяры, художники, переплетчики и т. д.⁴³

При этом в студитских монастырях не использовали иной рабочей силы, кроме самих монахов. Это особенно ярко видно из письма «К братьям рассеянным» (иначе «Оглашение») Феодора Студита⁴⁴. Поэтому мнение о том, что студитские киновии, основанные в Таврике последователями Феодора Студита, с самого начала своего возникновения, закрепощая крестьян, ускоряли здесь развитие феодальных отношений, не находит подтверждения в имеющихся сейчас данных. К этому необходимо добавить следующее.

Попытка реформ Феодора Студита в самой Византии окончилась неудачей, ибо осуществление ее означало бы необходимость участия в производительном труде значительной части монашества. Но развитие шло в совершенно противоположном направлении, по пути эксплуатации закрепощенных монастырями крестьян. Однако условия для такой эксплуатации созрели не ранее конца IX в.⁴⁵

Вероятнее всего, и в Крыму студитские монастыри в конечном счете стали закрепощать крестьян, но когда это произошло — в X или XII в. или позднее — мы не знаем; а потому, с нашей точки зрения, говорить (во всяком случае в настоящее время) о непосредственной связи между ростом монастырей, дата возникновения которых к тому же во многом остается неясной, и ускорением развития феодальных отношений в Таврике VIII—IX вв., неправомерно.

В связи со сказанным представляется ошибочным мнение А. Л. Якобсона о причинах упадка, который переживал Херсон, как полагает

⁴¹ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 547—548.

⁴² PG, t. 90, col. 1424, 1520, 1521; «Творения преп. Феодора Студита в русском переводе», т. II, СПб., 1908, стр. 553—555.

⁴³ А. Доброклонский. Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский т. 1. Одесса, 1913, стр. 412.

⁴⁴ См. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборческого движения в Византии. «Уз Свердловского гос. пед. ин-та», 1948, стр. 77. Это же явствует из жития Евфимии. См. Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914, стр. 470.

⁴⁵ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 77, 96 сл.

исследователь, в VIII—IX вв. Он объясняет этот упадок, относящийся по его мнению, лишь ко времени иконоборчества, тем, что силы города подтачивались ростом монастырей, завладевших основными хозяйственными ресурсами Юго-Западного Крыма⁴⁶. Едва ли есть возможность связывать упадок Херсона специально с периодом иконоборчества или, как это делает А. Л. Якобсон в другой своей работе, с господством в Крыму хазар⁴⁷. Упадок Херсона начался не в VIII в., а во второй половине VI в., т. е. задолго до иконоборчества и до появления хазар, которые могли лишь усугубить этот процесс, а не быть его причиной⁴⁸. Что касается его гипотезы о захвате монастырями господствующих позиций в экономике края, то она не находит никакой опоры в фактах и связана, как отмечено, с преувеличением роли и значения монастырей в жизни Таврики VIII—IX вв.

Экономический спад, начавшийся в Херсоне во второй половине VI в., продолжался и в VII—первой половине IX в., и А. Л. Якобсон совершенно прав, противопоставляя упадку, в каком оказался Херсон, оживление и подъем, наблюдавшийся в поселениях Восточной Таврики в конце VIII—IX в. Это положение было выдвинуто А. Л. Якобсоном еще в 1954 г.⁴⁹ и затем глубже обосновано в 1958 г. в работе «Раннесредневековые поселения Восточного Крыма». Среди рассматриваемых в этом исследовании экономических проблем особенно ценным и важным представляется установление автором факта функционирования в Восточном Крыму, в районе Судака, ремесленного центра с крупным гончарным производством. А. Л. Якобсон убедительно показал, что производимая там керамика была рассчитана не на узко местный рынок, а на широкий сбыт в районе Восточной Таврики. Возникновение такого центра, а он, возможно, был не единственным, автор объясняет тем, что вновь возникшие и развивавшиеся города и поселки в Восточной Таврике в VIII—IX вв. вызвали усиленную потребность в домашней таре и посуде вообще и тем самым дали толчок к развитию местного гончарного ремесла, нашедшего теперь обширный рынок сбыта⁵⁰. Эти выводы имеют существенное значение для изучения процессов, протекавших на территории Таврики в эпоху средневековья.

Заканчивая рассмотрение существующих в настоящее время мнений об основных вопросах социально-экономического развития раннесредневековой Таврики, отметим, что изучение ряда коренных проблем истории Таврики делает только первые шаги, находясь на стадии сбора и классификации материала. К таким проблемам, стоящим перед исследователями, принадлежит прежде всего наиболее важная — проблема возникновения и генезиса феодальных отношений в Крыму. Именно поэтому заключения и выводы, относящиеся к изучению сложного комплекса тем, охватываемых указанной проблемой, должны быть весьма осторожными; гипотезы же могут строиться лишь тогда, когда их допущение диктуется всей совокупностью имеющихся материалов.

Политическая, точнее говоря, внешнеполитическая история представляет собой сравнительно разработанный раздел истории средневековой Таврики. Впрочем, очень неравномерное освещение различных периодов истории существующими источниками оставляет в наших знаниях

⁴⁶ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья, стр. 548—549.

⁴⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 469.

⁴⁸ См. подробнее: Д. Л. Талис. Указ. соч.

⁴⁹ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 155 сл.

⁵⁰ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 494.

и этого раздела много пробелов, притом весьма существенных. Среди важных тем политической истории следует выделить вызвавший в последнее время дискуссии вопрос о роли Византии в истории раннесредневековой Таврики, являющийся частью более общей проблемы взаимоотношений населения Таврики эпохи раннего средневековья с Византией, Русью и хазарами, с одной стороны, и взаимоотношений между Византией, Русью и Хазарским каганатом на почве Таврики — с другой.

Весьма существенно для выяснения тех целей, которых добивалась Византия в Крыму, установить, кто осуществлял крепостное строительство в Юго-Западном Крыму. Согласно господствующему в настоящее время взгляду, наиболее четко сформулированному А. Л. Якобсоном и М. А. Тихановой, военно-оборонительные сооружения в этом районе были построены Византией для защиты горных проходов к побережью и области Херсона, а также для утверждения господства империи в этом крае⁵¹. Это мнение, в принципиальной своей части совершенно правильное, было подвергнуто недавно критике Е. В. Веймарном, который отрицает политическое господство Византии в Юго-Западной Таврике V—VI вв. и приписывает создание крепостей местным обитателям крымских нагорий — потомкам тавров и скифов — и сармато-аланам⁵². Однако доводы Е. В. Веймарна не представляются убедительными.

Аргументация, которую выдвигает Е. В. Веймарн, заключается в том, что эти крепости, исходя из соотношений их местоположения с рельефом местности, не могли защищать подступы к Херсону, так как находились в отдалении от дорог и проходов к Херсону. Этот факт, несомненно, заслуживает серьезного внимания, хотя он и не доказывает выдвинутого автором тезиса. Во-первых, некоторые крепости, например Инкерманская, все-таки защищали, как это признает и сам Е. В. Веймарн, пути, ведущие в Херсон⁵³. Во-вторых, сходство в общем характере планировки, строительных приемах и формах крепостных сооружений с военно-оборонительными комплексами, безусловно, византийскими, в Северо-Западном Причерноморье, на Южном Дунае, на Пелопоннесе, в Северной Африке настолько очевидно⁵⁴, что едва ли есть какие-нибудь основания отрицать византийское происхождение крепостей Юго-Западной Таврики эпохи раннего средневековья. Вполне аналогична византийской и техника кладки, в частности техника кордонной кладки из крупных панцирных блоков, в наличии которой Е. В. Веймарн почему-то усматривает местную строительную традицию. Подобная система кладки хорошо известна и в Херсоне и в византийских памятниках вне Крыма, в особенности в Ульметуме.

Весьма важным свидетельством является найденный на Мангупе фрагмент строительной надписи с именем Юстиниана I⁵⁵, указывающей на византийское строительство в этой крепости и относящейся, по-видимому, к базилике. Да и самое строительство базилик, в особенности таких, как

⁵¹ М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, 34, 1953, стр. 324; А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 150.

⁵² Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 52; его же. О времени возникновения средневековой крепости Каламита, стр. 62.

⁵³ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 50.

⁵⁴ См. Vasile Părvan. Cetatea Ulmetum. Analele Academiei Romane, ser. II, t. XXXIV. București, 1912. табл. I, II, V, VIII, IX, XVII; idem. Histria. Monografie arheologică, vol. I. București, 1954; табл. I. рис. 1—20; H. Megaw. Researches at Isthmia. BSA, XXXII, 1934, стр. 70 и сл., рис. 1, 5; Ch. Diehl. Rapport sur deux missions archéologique dans l'Afrique du Nord. Paris. 1894, табл. XI, XIII, XV, XVIII, XXII, XXIV.

⁵⁵ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, 65, 1918, стр. 18—19.

Эски-Керменская и Мангупская, требовавшее затраты значительных средств и высокого мастерства строителей, осуществлялось, скорее всего, Византией в целях идеологического утверждения своего господства.

Все это вместе взятое приводит к убеждению, что то или иное местоположение крепостных сооружений Таврики не может служить аргументом против мнения об их создании византийцами. Вполне вероятно, что при выборе того или иного пункта в качестве объекта для строительства крепости решающее значение имели не соображения узко тактического свойства, т. е. находился ли данный пункт непосредственно на дороге или в проходе, ведущем к Херсону, а более широкие задачи: укрепление стратегически наиболее важных пунктов горной Таврики, контролировавших вообще доступ в этот район⁵⁶. Не исключена также возможность, что выбор места для создания оборонительного комплекса определялся в значительной степени интересами утверждения византийского господства над местным населением. В этой связи важно отметить, что такие крупнейшие крепости, как Эски-Керменская и Мангупская, были созданы на местах существовавших ранее поселений, о чем говорит материал римского времени, обнаруженный при раскопках⁵⁷. О зависимости населения Юго-Западной Таврики от Византии сообщает и Прокопий⁵⁸. Все это указывает на ошибочность точки зрения Е. В. Веймарна, отрицающего политическое господство Византии в Юго-Западной Таврике в V—VI вв.⁵⁹

Вместе с тем Е. В. Веймарн совершенно прав, отмечая неправомочность поправок к тексту Прокопия, предлагаемых А. Л. Якобсоном и М. А. Тихановой. Прокопий, как известно, сообщает, что в стране Дори, локализуемой в Юго-Западной Таврике, Юстиниан I не строил ни городов, ни крепостей; лишь в местах, через которые враги могли легко проникнуть на территорию этой страны, император построил длинные стены (*De aedif.* III, 7). Этот отрывок получил самые разноречивые толкования в связи с тем, что он, на первый взгляд, противоречит факту наличия в Юго-Западной Таврике византийских крепостей.

Пути, которые предлагаются исследователями для преодоления этого противоречия, различны. Е. В. Веймарн признает сообщение Прокопия полностью достоверным⁶⁰, но зато он на основании этого сообщения отрицает строительство Византией крепостей в Юго-Западной Таврике, а это, как указывалось выше, противоречит действительности.

⁵⁶ Этого обстоятельства не может в конечном счете отрицать и Е. В. Веймарн. Он также признает, что местоположение наиболее крупных крепостей (Эски-Кермен, Кыз-Кермен и Чуфут-Кале) находится в определенном соответствии с основными трассами, которые вели из степей в Херсон. См. Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 76; его же. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 50—51.

⁵⁷ См. М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 326.

⁵⁸ Ргосор., *De aedif.*, III, 7.

⁵⁹ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 52. В этой связи необходимо заметить, что одно из соображений Е. В. Веймарна, которое он считает аргументом в пользу своего тезиса о равноправном союзе местного населения с империей, вызывает недоумение. Соображение его заключается в следующем: «Раскопки могильников раннесредневековых «пещерных городов» (Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп) вскрыли уже сотни погребений, но не дали еще ни одного захоронения византийского воина» (Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма, стр. 78). Во-первых, как об этом сообщает Прокопий (*De aedif.*, III, 7), население Юго-Западной Таврики выступало в качестве так называемых федератов, и сколько-нибудь значительных византийских гарнизонов здесь могло и не быть. Во-вторых, даже если здесь и были византийские воины, то идентифицировать захоронения византийских воинов среди тех христианских погребений, которые принадлежали коренным обитателям Таврики, вообще невозможно.

⁶⁰ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 49.

А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова предлагают поправки к сообщению Прокопия. М. А. Тиханова предполагает, что длинными стенами Прокопий называет именно цепь горных крепостей, построенных Юстинианом; а называет он их так для того, чтобы избежать противоречия с собственными словами, которыми он характеризует образ жизни населения страны Дори, утверждая, что оно не желало быть заключенным в стены и что поэтому император не строил там ни городов, ни крепостей⁶¹.

Такое толкование сразу же вызывает ряд вопросов. Зачем Прокопию нужно было в двух местах своего сочинения, разделенных несколькими строчками, утверждать прямо противоположное, а потом стремиться как-то избежать противоречия, да еще столь странным образом, как применение различных терминов к одним и тем же объектам? Не проще ли ему было попросту не приводить одного из этих утверждений? Если же М. А. Тиханова полагает, что Прокопию это зачем-то было нужно, то свое мнение ей необходимо было обосновать. Сейчас оно представляется крайне искусственным и мало вероятным.

Существует еще один ряд соображений, показывающих ошибочность как приведенного выше взгляда М. А. Тихановой, так и мнения А. Л. Якобсона, согласно которому утверждение Прокопия об отсутствии крепостной строительств в Таврике в эпоху Юстиниана I является попросту ошибкой византийского историка, обусловленной его неосведомленностью⁶². Никаких других доводов в подтверждение своего мнения А. Л. Якобсон не приводит, за исключением того, что наличие византийских крепостей в Юго-Западной Таврике засвидетельствовано данными археологии.

Совершенно очевидно, что внесение поправок в сведения, сообщаемые источником, особенно таким, как сочинение Прокопия, занимавшего крупные политические посты, находившегося в самой гуще политической борьбы своего времени, имевшего доступ к государственному архиву и превосходно осведомленного, к тому же человека талантливого и широко образованного⁶³, требует оснований несравненно более серьезных, нежели те, какие имелись у А. Л. Якобсона и М. А. Тихановой.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что Прокопий, употребляя термин «длинные стены», имеет в виду сплошную линию укреплений; это именно стены⁶⁴. Прокопий не применяет указанного термина в расширительном смысле — по отношению к отдельно стоящим укреплениям, не связанным друг с другом стенами. Это становится особенно ясным из описания Прокопием «длинных стен» в районе Константинополя и Херсонеса Фракийского (*De aedif.*, IV, 9, 10).

Итак, имеется два достоверных факта: один, установленный методами археологии, — это наличие византийских военно-оборонительных сооружений в Юго-Западной Таврике, второй — свидетельство письменного источника об отсутствии строительства крепостей в Юго-Западной Таврике Византией в эпоху Юстиниана I.

Никакого противоречия в этих данных, однако, не заключено. Противоречие между ними возникает лишь при попытках их совмещения в пределах одного отрезка времени. Дело в том, что Прокопий вовсе не утверждает, что Византия не строила в горной Таврике крепостей; он лишь ут-

⁶¹ М. А. Тиханова. Указ. соч., стр. 324.

⁶² А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангуна, стр. 62, 63; е го же. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 148 сл.

⁶³ См. З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». В кн.: «Прокопий из Кесарии. Война с готами». М., 1950, стр. 10 сл.

⁶⁴ Это положение было впервые выдвинуто и обосновано в совместном докладе Э. И. Соломоник, О. И. Домбровского и П. А. Шохина, прочитанном в 1959 г. в Институте археологии АН СССР.

верждает, что они не сооружались в эпоху Юстиниана I. Следует обратить внимание еще на один факт, уже отмеченный в литературе⁶⁵. Прокопий, называя, например, укрепления в Алусте и в Горзувитах, ни словом не обмолвился о громадном крепостном строительстве, которое, согласно мнению названных выше исследователей, развернулось в эпоху Юстиниана I в горном Крыму. Если бы подобное строительство действительно имело бы место при Юстиниане I, то в сочинении «О постройках» оно нашло бы отражение. Говорит же Прокопий о восстановлении обороны Херсона и Боспора, о строительстве укреплений в Алусте и Горзувитах, не забывая сообщить даже о сооружении небольших стен, преграждавших доступ в ущелья Лазики (III, 7). Вообще Прокопий упоминает в своем произведении и о строительстве Юстинианом укреплений столь незначительных, что они остались безымянными (II, 9; IV, 2).

Итак, имеющиеся в настоящее время факты позволяют предполагать, что оборонительные комплексы так называемых «пещерных городов» Юго-Западной Таврики (Эски-Кермен, Мангуп) были действительно сооружены византийскими строителями, но не в эпоху Юстиниана I.

Необходимо, однако, остановиться еще на одной стороне вопроса. Как показал А. Л. Якобсон, кладка крепостных стен этих «пещерных городов» (квадровая кладка) всего более близка технике сооружения той части оборонительных стен Херсона и крепостных сооружений на Дунае, на Балканах, в Северной Африке, которые относятся ко времени Юстиниана⁶⁶.

Указываемые А. Л. Якобсоном аналогии представляются вполне убедительными. Но что касается датировки по аналогиям рассматриваемых крепостных сооружений, то необходимо отметить, не входя в подробности, следующее обстоятельство.

Техника квадратной кладки по преимуществу из крупных блоков камня, положенных на растворе, господствовавшая в римской монументальной архитектуре⁶⁷, широко применялась и в последующее время, в частности в строительстве эпохи Юстиниана. Однако такая техника встречается и несколько позднее — в конце VI—начала VII в.⁶⁸ С другой стороны, сведения, сообщаемые Прокопием, не позволяя отнести строительство этих крепостей ко времени Юстиниана I, оставляют, однако, возможность датировать их временем, довольно близким к периоду правления Юстиниана I⁶⁹.

Учитывая, что в средневековой археологии Крыма датировка с точностью, большей, чем до половины, а зачастую, и до целого столетия, невозможна, мы приходим к выводу, что наша гипотеза о сооружениях крепостных стен «пещерных городов» не в эпоху Юстиниана I не противоречит установленным аналогиям в технике кладки. Разумеется, эти различия именно в силу близости в строительных приемах не могли быть слишком значительными, едва ли больше половины столетия. Таким образом, возведение крепостных стен следует, скорее всего, отнести к VI в.,

⁶⁵ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 49.

⁶⁶ А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа, стр. 59—62.

⁶⁷ См. G. T. Rivoira. Roman architecture. Oxford, 1925, p. 14.

⁶⁸ См. V. Ragvan. vol. I, p. 66—111, табл. 1 и сл; рис. 1—20.

⁶⁹ Данные Прокопия позволяют, строго говоря, приурочить возведение оборонительных стен также и к последним пяти годам правления Юстиниана, так как трактат «О постройках», написанный в 560 г., естественно, не мог содержать сведений о строительстве, которое, возможно, было предпринято в 560—565 гг. Однако в свете фактов, характеризующих последние годы правления Юстиниана I, такая датировка кажется мало вероятной.

исключив промежуток времени между 527 и 560 гг. Для более точной датировки положительных данных сейчас нет, но, пожалуй, начало этого отрезка времени более предпочтительно ⁷⁰.

Наряду с Византией и Русью весьма существенную роль в раннесредневековой истории Таврики сыграли хазары, а потому значительного внимания заслуживает предпринятая А. Л. Якобсоном попытка по-новому осветить вопрос о хазарах в Крыму. Свою точку зрения он высказал в 1954 г. и развил в последних работах ⁷¹. Однако эта попытка, несмотря на ряд интересных и правильных положений, представляется недостаточно обоснованной.

Мнение А. Л. Якобсона, коротко говоря, сводится к следующему. Хазары, выделившиеся в середине VII в. из обширного тюркского каганата, к 70-м годам VII в. заняли степи Придонья и Приазовья и примерно в это же время захватили район Боспора, посадив там своих наместников — тудунов. Тогда же или вскоре после этого, но не позднее середины VIII в., хазарский правитель появился и в Сугдее, а к началу или середине VIII в. большая часть Таврики с ее основными городами оказалась под хазарским владычеством. На востоке Крыма хазарское вторжение повлекло за собой запустение тех поселков в районе Боспора, которые существовали еще в VI в. на месте античных городов Тиритаки и Мирмекия. На территории Юго-Западной Таврики хазары разгромили города нагорья, в частности Эски-Кермен и Мангуп, разрушив оборонительные стены, базилики и пр. Хазарское вторжение же послужило также основной причиной упадке Херсона в VII—VIII в., нарушив его тесные связи, прежде всего торговые, с окружающим земледельческим населением и с кочевниками причерноморских степей, в частности с аланами и гунно-болгарскими племенами. Кроме того, хазарское господство в Таврике резко отрицательно сказалось на связях ее городов с Малой Азией, что еще более усилило экономический спад. Однако политическое господство хазар на полуострове продолжалось недолго. Уже к концу VIII в. они утратили какое-либо значение в жизни Таврики; власть их приобрела номинальный характер. Вместе с тем конец VIII—IX вв. были отмечены тесными союзными отношениями между Византией и Хазарским государством, направленными против общей арабской опасности. Одним из проявлений этого союза, обращенного одновременно и против Руси, явилось оказание Византией помощи хазарам в строительстве крепости Саркела. Против Руси же была направлена и такая мера, как образование Херсонской фемы. Ослабление хазар и независимость от Византии привели во второй половине VIII—начале IX в. к возрождению Восточной Таврики.

Основной упрек, который вызывает рассматриваемая концепция, — это недооценка роли хазар в Таврике в IX—начале X в., а отсюда и не совсем правильная характеристика русско-византийских отношений в это время. Вместе с тем трактовку и некоторых существенных моментов

⁷⁰ Что касается так называемых «длинных стен», которые, по словам Прокопия, Юстиниан выстроил в стране Дори, то археологически они еще не выявлены. Е. В. Веймарн, ссылаясь на результаты разведок О. И. Домбровского в 1956 г. («Пещерные города» Крыма, стр. 73), утверждает, что «длинных стен» нужно искать на Яйле. С этим утверждением, однако, трудно согласиться, ибо его следствием является признание того, что страна Дори включала Южное побережье Крыма. Но это положение противоречит тексту Прокопия, который говорит, что в стране Дори Юстиниан крепостей не строил; что же касается Южного побережья, то там, по его сообщению, были построены укрепления в Алусте и Горзувитах.

⁷¹ А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI, 1954, стр. 148—163; А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 544—549; его же. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 497—500.

предшествующей истории хазар в Таврике также трудно согласовать с показаниями письменных источников и данными археологии.

Прежде всего, появление хазар в Таврике нельзя отнести ко времени ранее середины VII в.⁷²; следовательно, оно не могло явиться причиной прекращения жизни в поселениях Восточного Крыма, в частности на месте Тиритаки и Мирмекия, которое произошло, как отмечает автор раскопок, а вслед за ним А. Л. Якобсон, на рубеже VI и VII вв. или в начале VII в.⁷³ В равной степени хазарское вторжение не могло служить фактором, обусловившим упадок Херсона, ибо он начался задолго до появления хазар: в середине VI в., как считаем мы⁷⁴, или пусть даже в начале VII в., как полагает А. Л. Якобсон⁷⁵. Выше уже отмечалось, что трудности, испытывавшиеся Херсоном в получении продовольствия из Юго-Западной Таврики в середине VII в., которые А. Л. Якобсон склонен объяснять хазарским нашествием, в действительности были хроническим явлением в жизни города на всем протяжении раннего средневековья. Разумеется, появление хазар на полуострове и захват ими городов с неизбежными при этом насильственными действиями могли усугубить те процессы, которые, однако, начались в Таврике еще до хазарского вторжения. Что касается боспорских поселений, в частности на месте Тиритаки и Мирмекия, то они, скорее всего, были разрушены во время кратковременного набега на Боспор в 70-х годах VI в. тюркских кочевников⁷⁶.

Судить сейчас о том, насколько разрушительными были результаты появления хазар на полуострове, довольно трудно: какое-либо окончательное мнение по этому поводу было бы явно преждевременным, особенно в свете фактов, свидетельствующих, что и после установления хазарского господства на полуострове в Херсоне, Готии и на Боспоре наряду с хазарскими тудунами сохранилась и прежняя администрация⁷⁷.

Эти факты находят себе объяснение в наличии союза, который существовал между Византией и хазарами в VIII в., приводя даже к династическим бракам. Это обстоятельство имеет важное значение, ибо резко отрицательное отношение византийского двора к заключению браков с «варварами» хорошо известно⁷⁸. Но даже и в это время, в пору наиболее дружественных отношений с хазарами, византийское правительство едва ли могло возлагать надежды на более или менее длительный союз с ними. Ведь на территорию, которую захватили хазары в Таврике, ранее распространялась власть империи.

Не случайно Юстиниан II в самом начале VIII в. трижды посылал в Таврику экспедиции, вероятнее всего, для возвращения потерянных земель и прежде всего Юго-Западной Таврики с Херсоном, который попал, правда, на короткое время, в сферу влияния каганата. А с IX в. византийско-хазарские отношения в Северном Причерноморье стали крайне неровными, и это обстоятельство не должно затемняться фактом

⁷² Theoph., Chron., p. 357; ср. D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954, p. 45; Хазарский каганат (по материалам М. И. Артамонова). В кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 701.

⁷³ В. Ф. Гайдукевич. Отчет о раскопках Мирмекия и Тиритаки. МИА, 25, 1952, стр. 100, 127; А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 469.

⁷⁴ Д. Л. Талис. Указ. соч.

⁷⁵ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья, стр. 545.

⁷⁶ Menandri Protectori frag., II, p. 90.

⁷⁷ Theoph., Chron., p. 372—381; Niese p. h., Breviarium, p. 40—48; В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского. Труды, II (2). СПб., 1912, стр. 396—400 (текст жития); Vita S. Theodori Studitae, PG, t. 99, col. 252.

⁷⁸ Const. Porphyg., De adm., imp. cap. 13.

некоторого сближения, притом весьма кратковременного, между Византией и каганатом, последовавшим в 30—50-х годах IX в. и отразившимся, в частности, в строительстве Саркела.

В первой четверти этого столетия хазары осаждают Херсон, сидят в Восточном Крыму, обладают Сугдеей, утверждают свою гегемонию в Юго-Западной Таврике. Около 860 г. хазары вновь осаждают Херсон. В это же время в Хазарию была отправлена миссия Кирилла для предотвращения дальнейших гонений на христиан в каганате, которая, однако, окончилась неудачей⁷⁹. И, начиная с 70-х годов IX в., византийско-хазарские отношения становятся враждебными и остаются таковыми вплоть до исчезновения хазар с исторической сцены⁸⁰.

Очевидно, немаловажным фактором, обусловившим изменение к худшему хазаро-византийских отношений в IX в., явилось принятие господствующими верхами хазарского каганата около 800 г. ортодоксального иудаизма⁸¹.

Картина политических отношений в Северном Причерноморье, в частности в Таврике, не учитывающая всей сложности и противоречивости различных устремлений Руси, Византии, Хазарского каганата, будет неизбежно обедненной.

Действительно, IX—X вв. ознаменованы обострением борьбы Руси, в частности с Византией, за выход к морю и упрочение своих позиций в Северном Причерноморье. Но против хазар Византия и Русь выступали совместно. Прямые указания на это содержатся не только в Кембриджском документе, достоверность которого оспаривается рядом исследователей, но и в договоре Игоря с Византией, подлинность которого сомнений не вызывает.

Поэтому точка зрения А. Л. Якобсона, согласно которой Византия в союзе с хазарами противодействовала Руси в ее продвижении к Черному морю, представляется ошибочной. Статьи договора Игоря прямо призывают Русь оказывать помощь Византии в Таврике против хазар (черных болгар) и содержат обязательства византийского правительства оказывать в этой борьбе военную помощь⁸². В равной степени Византия, хотя и заинтересованная в известные моменты в союзе с хазарами против общей арабской опасности, вела с ними в Таврике, начиная с IX в., ожесточенную борьбу, ибо территорией, на которую претендовала Византия в Таврике, владели хазары, а не Русь.

Не случайно, что одно из последних упоминаний в источниках о хазарах в Северном Причерноморье, связано с совместными действиями против них в 1016 г. Византии и Руси⁸³.

Приведенные факты и соображения не позволяют также согласиться с утверждением А. Л. Якобсона об утрате хазарами политического влияния на Таврику к концу VIII в. Это утверждение противоречит источникам (друг от друга независимым), освещающим политические отношения в Таврике IX—первой половины X в. О политическом господстве хазар на полуострове в конце VIII—первой четверти IX в. свидетельствуют факты,

⁷⁹ D. M. Dunlop. *Op. cit.*, p. 194, 195.

⁸⁰ V. Mosin. *Les Khazares et les byzantins d'après l'anonyme de Cambridge. «Byzantion», t. VI, 1931, p. 309—325.*

⁸¹ D. M. Dunlop. *Op. cit.*, p. 170. Давлоп полагает, что примерно за 60 лет до принятия иудаизма в ортодоксальной, раввинистической форме часть хазарской верхушки приняла модифицированный иудаизм.

⁸² Cp. G. Vernadsky. *The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945. «Byzantina-Metabyzantina», I, 1946, p. 258.*

⁸³ Cedrenus, II. *Bonnae, 1839, p. 464. 8.*

приведенные в житиях Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Иоанна Психаита и письмах Феодора Студита. Серьезное влияние хазар на положение дел в Таврике во второй половине IX — первой половине X в. прослеживается по данным, содержащимися в Паннонском житии, договоре Игоря и сочинении Константина Багрянородного. Главы трактата «Об управлении империей», в которых упоминается Херсон и Климаты, пронизывает тревога по поводу непрерывных нападений хазар; там же Константин указывает сыну на те политические комбинации, которые могут нейтрализовать хазарскую опасность⁸⁴. Таким образом, существенная роль хазар в истории Таврики IX — первой половины X в. устанавливается не только в связи с показаниями еврейско-хазарской переписки, которые А. Л. Якобсон отводит⁸⁵, но и на основе ряда других источников.

В связи со сказанным представляется мало убедительной и попытка А. Л. Якобсона связать возрождение Восточной Таврики во второй половине VIII—IX в. с уменьшением политической роли хазар в жизни края. Поскольку политическая и военная активность хазар в Таврике в конце VIII—IX вв., как было отмечено, не ослабела, нельзя связывать подъем экономики в Восточной Таврике этого времени с сокращением влияния хазар.

Вопрос о судьбах поселений Восточной и Южной Таврики в X в. явился в последнее время предметом дискуссии между А. Л. Якобсоном и В. В. Кропоткиным. Первый исследователь относит гибель этих поселений к концу IX в. и объясняет ее вторжением печенегов⁸⁶. В. В. Кропоткин датирует разрушение поселений серединой и второй половиной X в. и связывает это событие с походами русских дружин на берега Черного моря⁸⁷. К сожалению, ни археологические материалы, ни письменные источники не представляют нам никаких позитивных данных для бесспорного решения вопроса. Поэтому мы сейчас не видим возможности ни сделать выбор между двумя указанными мнениями, ни предложить третье решение. И точка зрения А. Л. Якобсона, и точка зрения В. В. Кропоткина представляются нам в равной мере лишь рабочими гипотезами. Только последующее археологическое изучение поселений Восточной и Южной Таврики, прежде всего установление точной даты их гибели позволит получить твердые данные для выяснения этого вопроса.

Существенное значение для понимания процессов, протекавших в средневековой Таврике, в том числе и политических отношений, имеет изучение проблем этнической истории полуострова. Разработка этих вопросов в исследованиях последних лет внесла немало интересного и ценного в существующие представления об истории средневекового Крыма⁸⁸. Однако

⁸⁴ См. подробно: Д. Л. Т а л и с. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 103—115.

⁸⁵ А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 499. Следует, впрочем, заметить, что основания, по которым А. Л. Якобсон отвел относящиеся к Таврике данные переписки, особенно в свете появившихся в последние годы материалов, отнюдь не являются бесспорными. См. St. Segert. Ein alter Bericht über den Fund hebräischer Handschriften in eine Höhle. Archiv Orientalni, XXI, fasc. 2—3, 1954, p. 263—269; D. M. D u n l o p. Op. cit., 116—170; S. S z y s z m a n. Les Khazars. Problèmes et controverses. «Revue de l'histoire des religions», t. 152, 1957, № 2, p. 174—221.

⁸⁶ А. Л. Я к о б с о н. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма, стр. 500.

⁸⁷ В. В. К р о п о т к и н. Из истории средневекового Крыма СА, XXVIII, 1958, стр. 217—218.

⁸⁸ А. П. С м и р н о в. К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, № 2, стр. 274—279; А. Л. Я к о б с о н. Города Северного Причерноморья в V—IX вв., стр. 543—545; 549—550; е г о ж е. Раннесредневековые поселения Восточного

проблемы этнической истории Таврики еще далеки от окончательного решения. Они вызывают самые различные, порой противоположные оценки и мнения. Вопросы этнических взаимоотношений в средневековой Таврике требуют специального рассмотрения и выходят за рамки стоявших перед нами задач.

Крыма, стр. 464—465, 470—497; В. В. К р о п о т к и н. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение. СА, 1959, № 1, стр. 181—184; В. П. Б а б е н ч и к о в. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. В кн.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 88—146; К. Ф. С о к о л о в а. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма. В кн.: «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 63—87.
